

Глава 13. Семена вражды

Получив приказ, четверо или пятеро дюжих слуг Сян Тяньцзюэ рванулись к Чи Шэню. Они злобно поморщились, а движения были уверенными и слаженными — сразу видно, что подобные расправы для них были делом привычным.

Дао Цзун не проронил ни слова. Сохраняя ледяное спокойствие, он лишь небрежно взмахнул широким рукавом своего холщового халата. В то же мгновение воздух прорезал яростный порыв ветра, с силой ударивший преследователей по лицам. Слуги вскрикнули от внезапной острой боли в глазах, будто их кольнули мириадами тонких игл. Они ослепли, из-под плотно сжатых век ручьями потекли слёзы. Завывая от боли и беспорядочно размахивая руками, мужчины в панике попятились, натываясь друг на друга.

Один из них в суматохе потерял ориентацию и с размаху заехал кулаком точно в висок Сян Тяньцзюэ. Тот пошатнулся, едва устояв на ногах. Придя в себя, четвёртый молодой господин задохнулся от ярости, не веря своим глазам.

Как бы неистово он ни ругался, обезумевшие от боли слуги не могли остановиться. В конце концов, мужчина, стоявший в паре шагов за спиной Тяньцзюэ, не выдержал. Нахмурившись, он с явным раздражением шагнул вперёд и поочерёдно ткнул пальцем в затылки слуг, мгновенно приводя их в чувство.

— Ты! — взвизгнул Сян Тяньцзюэ. — Живо проучи этого старого хрыча!

Мужчина мягко, но решительно высвободил свою руку из хватки Тяньцзюэ. Несмотря на глубокое презрение, которое он питал к юнцу, в его голосе не прозвучало и тени непочтительности.

— Четвёртый молодой господин, я — почетный гость в поместье Сян. Третья наложница умоляла маркиза Суи позволить мне сопровождать вас, дабы оберегать в пути, а не потакать вашим бесчинствам. К тому же, шестой молодой господин — ваш названный брат. К чему эта вражда?

Последнего он добавлять не стал: с его способностями он так и не смог разгадать уровень мастерства Дао Цзуна. А раз так, он и подавно не собирался наживать себе могущественного врага ради каприза этого никчёмного повесы.

Толпа, окружившая их, жадно ловила каждое слово. Те, кто поначалу принял стычку за обычный спор из-за товара, теперь осознали — корни этой ссоры уходят куда глубже.

— Сян Сяобао! — прошипел Сян Тяньцзюэ. Шепотки и смешки окружающих жалили его сильнее кнута, ему казалось, что каждое слово — это плевок в его сторону. — Ишь, какой важный! Значит, Сян Тянью даже мастера Сокровенного искусства не пожалел, чтобы тебя выгородить? Сейчас я ничего не могу тебе сделать, но запомни: сегодня ты оскорбил старшего

брата и заставил меня потерять лицо. Я этого не забуду!

Чи Шэнь не удержался от смешка.

— Уважение заслуживают, а вот позорятся — сами. Не беда, если ты потерял лицо, но если люди скажут, что у молодых господ поместья Сян напрочь отсутствует воспитание — вот это будет настоящий провал.

Тяньцзюэ, который в этой жизни боялся только своего старшего брата Сян Тяньчуна и отца Сян Динтяня, на мгновение лишился дара речи. Лишь когда Чи Шэнь скрылся из виду, он пришёл в себя, побагровев от бессильной злобы.

Зрители поспешили разойтись, боясь подвернуться под горячую руку разозлённому барчуку.

Вернувшись в поместье, Сян Тяньцзюэ прямиком бросился в покои своей матери, Третьей наложницы. Ещё не переступив порог, он начал вопить во всё горло, но, вбежав внутрь, наткнулся на Сян Тяньхуна. Весь запал тут же испарился; Тяньцзюэ съёжился, пробормотал приветствие и забился в угол.

Тяньхун, едва взглянув на брата, сразу всё понял. Он помрачнел.

— Снова натворил дел?

— Второй брат, в этот раз я правда ни при чём! — Сян Тяньцзюэ принялся в красках расписывать происшествие, всячески приукрашивая действительность.

Услышав финал истории, Третья наложница Цзиньчунь в гневе нахмурилась.

— Каков наглец! Подумать только, стоило Сян Тянью вернуться и получить пару ласковых слов от маркиза, как его прихвостни совсем страх потеряли!

— Матушка, уймись, — Сян Тяньхун выглядел крайне недовольным, и виной тому была несусветная глупость младшего брата. — Этот Сяобао, хоть и мал, а в людях и правилах смыслит поболее некоторых. Последние его слова были чистой правдой. Мы ходим по этой земле, опираясь на авторитет отца, и обязаны этот авторитет беречь. Неважно, уважают ли нас другие, важно — уважает ли нас отец! Тяньцзюэ, ты рискнёшь пойти со своей жалобой к нему?

Цзиньчунь, души не чаявшая в младшем сыне, всё же не посмела перечить старшему. Она опустила взгляд и, смахивая фальшивую слезу, причитала:

— И что же теперь, позволить какому-то дикарю измываться над твоим братом? Если спустить ему это сейчас, он и вовсе на голову сядет!

— Матушка, не ищите виноватых на стороне. Если бы мой любезный братец сам не полез на рожон, Сяобао и пальцем бы его не тронул. Тяньцзюэ стал таким только из-за вашего потакания!

Увидев суровый взгляд старшего сына, Цзиньчунь вздрогнула.

— А что мне оставалось? В десять лет у тебя обнаружили духовный корень, а недавно ты и вовсе достиг восьмого уровня, сравнившись со старшим братом. Я радовалась, но как подумаю, что через пару лет ты уедешь на Континент Высшего Истока и мы больше не увидимся, сердце кровью обливается. Поэтому я и не строга с Тяньцзюэ — лишь бы он жил в мире и достатке.

Сян Тяньхун смягчился и со вздохом произнёс:

— Ваша слепая любовь до добра не доведет. Боюсь, рано или поздно он накличет беду, которую я не смогу разгрести.

Тяньцзюэ поспешил заверить брата в своём примерном поведении, боясь, что тот заставит его корпеть над книгами или изнурять себя тренировками.

Цзиньчунь, не особо слушая, теребила в руках платок.

— Второй молодой господин, я знаю, что маркиз терпит Тяньцзюэ только ради тебя... Но может... последуешь примеру отца? Останешься на Континенте Сокровенного Истока, пойдешь в чиновники, женишься, обзаведёшься своим домом... Ты бы и за братом присмотрел...

— Матушка! — оборвал её Тяньхун, и голос его зазвенел сталью. — Мои цели лежат в другой плоскости. Больше никогда об этом не заговаривайте!

Наложница вжала голову в плечи.

— Ладно... Видно, нет во мне столько благодати, сколько во Второй сестре. У Третьего молодого господина тоже есть духовный корень, но он же никуда не рвётся.

— У третьего брата посредственные способности, а я... Впрочем, пустое. Путь на Континент Высшего Истока для меня — единственный. Старший и пятый братья, уверен, думают так же. Дружба с ними принесёт только пользу. И как твой брат, я повторю в последний раз: сиди тихо и не высывайся. Сян Тянью больше не тот беззащитный муравей, которого шесть лет назад мог пнуть любой желающий!

Как только Тяньхун покинул двор, Тяньцзюэ со злостью плюхнулся в кресло.

— Второй брат будто белены объелся, на сторону этого выскочки встал!

— Но ведь он прав, Тяньцзюэ. Послушай совета, проглоти обиду и не трогай больше этого приёмыша!

— Матушка, — прошептал Тяньцзюэ, убедившись, что слуг нет рядом, — вы-то чего испугались? Ладно Тяньхун вечно осторожничает, но этот малый — никто. Даже если мы с ним сцепимся по-настоящему, я — родной сын своего отца! Неужели он выберет его, а не меня?

Цзиньчунь, послушав сына, нашла его слова разумными. Её мысли тут же переключились на другое. Подтянув юношу к себе, она заулыбалась:

— Это всё мелочи. Скоро тебе восемнадцать, а достойной невесты всё нет. Давай-ка я расскажу тебе о дочерях из знатных семей, которых я присмотрела за эти дни...

Тем временем Чи Шэнь не собирался делать тайны из случившегося. Он без утайки поведал о стычке Сян Тянью. Тот отложил полотенце, которым вытирал руки, и, дождавшись, когда служанка вынесет таз, подсел к Чи Шэню.

— И что за сокровище ты купил? Стоило ли оно такой грызни? — с улыбкой спросил он.

Чи Шэню стало тепло на душе. Тянью знал его как облупленного: Чи Шэнь никогда бы не пошёл на открытый конфликт с таким ничтожеством, как Тяньцзюэ, если бы вещь не была ему действительно дорога.

Достав из кошелька на поясе кость крыла юань, Чи Шэнь протянул её другу. Сян Тянью вертел её и так и эдак, рассматривал на свет, но не нашёл в ней ничего особенного.

— На вид безделица, разве что форма забавная, — заключил он, возвращая кость.

Чи Шэнь про себя довольно хмыкнул: «Погоди, вот окажемся в купели горы Цаньшань, тогда и увидишь, какая это безделица!» А вслух сказал:

— Я впервые потратил на что-то такие большие деньги. Считаю это моим подарком тебе.

— Ну уж нет, — рассмеялся Тянью. — Серебро-то я тебе давал. Получается, ты на мои же деньги купил мне подарок? Оставь себе, балуйся. Мне она ни к чему.

Видя, что Чи Шэню вещичка явно по душе, Тянью наотрез отказался её брать. Чи Шэнь на мгновение замялся — аргумент был железным, а насильно пихать кость в карман Сян Тянью было бы подозрительно. Пришлось отступить.

— И всё же Сян Тяньцзюэ на редкость мелочный тип. Лезет ко всем со своими порядками. Правду говорят: лучше обидеть благородного мужа, чем мелкого пакостника. Впереди у нас ещё много хлопот с ним.

— Какое дерево, такие и плоды. Третья наложница — дочь из захудалого рода, вот и воспитала его по своему образу и подобию. Мелочность у него в крови.

— Твой отец вовсе не кажется глупцом. Почему он позволяет ему так себя вести?

— Сян Динтяню нет дела до этого ничтожества, он о нём и не вспоминает, — с горькой усмешкой ответил Тянью. — Раз уж он решил остаться на Континенте Сокровенного Истока, будучи в самом расцвете сил, детей у него будет столько, сколько пожелает. Если бы не Сян Тяньхун, чьё Сокровенное мастерство почти сравнялось с успехами старшего брата, отец бы на Тяньцзюэ и не взглянул.

Чи Шэнь нахмурился, искренне недоумевая:

— Как отец он, пожалуй, холодноват, но как человек — фигура значимая. Маркиз огромной империи... Как же он умудрился взять в жёны, пусть и наложницей, девицу из такой незнатной семьи?

Сян Тянью подался вперёд, почти нависая над Чи Шэнем.

— А как по-твоему, если сравнить красоту Третьей наложницы с теми, кого ты видел?

Чи Шэнь задумался и честно ответил:

— Ослепительна. Редкая красавица.

— Вот видишь! Герои во все времена теряли голову из-за прекрасных лиц. Мой отец ещё легко отделался — просто закрывает глаза на проделки её сына. Многие ради любви рушили империи.

Чи Шэнь почувствовал, как от близости Тянью и жаркого воздуха он покраснел. Он неловко отодвинулся и закатил глаза.

— Красота — это ловушка. Тот, кто позволяет ей сбить себя с пути, не заслуживает звания героя. В лучшем случае — удачливый авантюрист!

— Ты ещё слишком молод, — усмехнулся Тянью, — твоё сердце ещё не пробудилось, вот ты и рассуждаешь так сурово.

— Хочешь сказать, — вспыхнул Чи Шэнь, — что если ты встретишь писаную красавицу, то тоже забудешь обо всём на свете? Будешь бегать за ней хвостиком и не посмеешь слова против сказать?

Тянью уже готов был ответить серьёзно, но, увидев, как забавно злится и краснеет Чи Шэнь, решил его подразнить.

— Сейчас мне кажется, что это невозможно. Но кто знает? Если встретишь ту самую, предначертанную судьбой, о доводах рассудка забываешь в первую очередь.

— Да как же так?! — Чи Шэнь едва не подпрыгнул на месте. — Это же неправильно!

Тянью, сдерживая смех, прикинулся удивлённым:

— Почему же неправильно?

— Красивые лики губят семьи, коварные девы разоряют страны! Всё это — лишь морок и тлен. Жену выбирают за добродетель, а мужа — за таланты! Так было и так будет всегда!

— Звучит разумно, — кивнул Тянью и вдруг подался ещё ближе, заглядывая в глаза. — Но как представлю, что на подушке рядом со мной будет почивать уродина... Аж в дрожь бросает. Разве не чудесно, когда и душа, и лицо прекрасны? Вот ты, брат Бао, и мудр, и собой хорош... Может, мне с тобой судьбу связать? Будем жить душа в душу до скончания веков, что скажешь?

<http://bllate.org/book/17417/1657498>